

Е. Н. Федосеева (Сыктывкар)

Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития

Современные диалекты – результат длительного развития. На протяжении истории в них происходят постоянные и постепенные изменения. В своей работе мы останавливаемся на диалектной системе северного наречия коми-пермяцкого языка и на изменениях его в словарном составе.

1. В финно-угриктике, в том числе и в пермистике, принято выделять на территории Коми-Пермяцкого округа два наречия и в их составе восемь диалектов. К северному наречию относят косинско-камский, кочёвский, мысовский, верх-лупьинский, к южному – кудымкарско-иньвенский, ниже-иньвенский, нердвинский, оньковский [Баталова 1975; 1982; Энциклопедия: 107–110; ЛЭС: 232]. В связи с изменением территориальных объединений происходит дробление, объединение, перегруппировка диалектов [ЛЭС: 133]. Подобные процессы происходят в коми-пермяцком языке и в диалектах северного наречия в том числе. Что касается косинско-камского и кочёвского диалектов, то изменения в них происходят постепенно и малыми темпами. Большие изменения произошли в мысовском и верх-лупьинском диалектах, поэтому остановимся на них более подробно.

На особенности языка населения бассейна р. Лупьи впервые обратил внимание В. И. Лыткин. В “Диалектологической хрестоматии по пермским языкам” он пишет: “В северной диалектной группе можно выделить лупьинский говор, распространенный в бассейне р. Лупьи и занимающий один сельсовет (Мысовский).

Лупьинский говор “отличается от прочих северных коми-пермяцких говоров следующим: ударение в значительной мере свободное при некоторой тенденции ставить его на первый слог; суффиксом множественного числа существительных является *-йэз*: *мортьйэз* “люди”, *лыз'йэз* “лыжи” и т. д.; деепричастным суффиксом является *-иг* (*мунигас* “когда он шел”, *гöригас* “когда он пахал”); в порядковых числительных употребляется только суф-

фикс -*öž'*: *н'ол'öž'* – “четвертый”, *кват'öž'* “шестой”; употребляется много слов, тождественных словам коми-зырянских говоров: *гач'* “штаны”, *с'ус'* “умный, расторопный” и т. д.” [ДХПЯ: 25–26]. Однако, ученый не выделяет лупьинский говор как особый, а считает его одной из разновидностей северной коми-пермяцкой группы говоров.

Впервые мысовский и верх-лупьинский диалекты как отдельные территориально-языковые объединения выделены Р. М. Баталовой в “Коми-пермяцкой диалектологии” [Баталова 1975]. Она отмечает, что “мысовский диалект занимает территорию одноименного сельсовета за исключением верх-лупьинского куста. Он расположен вдали от остальных населенных пунктов Гайнского района. Расстояние от с. Гайны до с. Мысы 40 км. Диалект распространен в деревнях: Мысы, Конопля, Сойга, Тошыб [Баталова 1975: 216]. В качестве специфических черт мысовского диалекта автор выделяет следующие:

1) суффикс мн. числа -*йэз* (-*йэс*, -*йас*, -*эз*, -*ас*): *садйес* ‘сады’, *каннез* ‘кошки’;

2) разрушение серийных послелогов на *выл-*: *горылын* (вм. *гор вылын*) ‘на печке’;

3) употребление формы исходного падежа на -*ись* в значении отдалительного и сравнительного: *вынажык кöинись* (вм. *кöинся*) ‘сильнее волка’;

4) отсутствие винительного падежа на -*лö*;

5) существование кратких форм -*т* и -*с* лично-притяжательных суффиксов 2-го и 3-го л. ед. ч. -*ыт* и -*ыс*: *Надят* (вм. *Надя-ыт*) ‘(твоя) Надя-то’;

6) выражение значения превосходной степени прилагательных аналитическим способом: *ёна мича* ‘очень красивый’;

7) наличие исконных числительных до десяти и сохранение *сё* ‘сто’;

8) использование указательного местоимения *та*: *та гырыся* ‘такой крупный’;

9) употребление кратких форм лично-притяжательных местоимений *мем* ‘мне’ и *тэт* ‘тебе’;

10) наличие специфического счетно-личного местоимения *öтнасым* ‘я один’;

11) принятие инфинитивной формой глаголов суффиксов определенности -*т* и -*с*: *пырныт* ‘зайти-то’;

12) более широкое употребление глагольного суффикса *-ал* со значением длительности, повторяемости действия: *гор лонталлыны* 'печь топить';

13) употребление окончаний *-ин* и *инö* в форме 2-го л. ед. и мн. числа первого прошедшего времени и *-анö* в настоящем и будущем времени ед. числа: *вöлинö* 'вы были', *керанö* 'вы делаете';

14) суффикс *-игö* в деепричастиях: *уджалигö* 'работая';

15) наличие специфических частиц *нин*, *нö*, *на*, *тадз*;

16) выражение общего отрицания частицей *абу* 'нет, не имеется' [Баталова 1975: 216–218].

Относительно верх-лупьинского диалекта Р. М. Баталова отмечает, что он "распространен в селениях Верх-Лупья, Пурга, Коса-Сотчöм, Ягдын, Шордын. Все они входят в состав Мысовского сельсовета. Большая часть населения этих деревень ныне переселена в с. Гайны. В названных пунктах осталось всего несколько семейств. От Верх-Лупьи до ближайшего коми-зырянского селения Дзель около 20 км. На юге диалект граничит с мысовским. Верх-лупьинский диалект является самым северным и относится к числу окраинных" [Баталова 1975: 218].

Как особенности диалекта, исследователь выделила следующие:

1) более частое (в сравнении с косинско-камским и мысовским диалектами) употребление звука *в* как вставочного: *юван ювисö* (вм; *юан юисö*) 'квасу (они) выпили';

2) наличие варианта *л – l* (*л* средневропейского): *лунын* 'днём';

3) довольно широкое употребление звука *э* на месте *ö* в первом слого слова: *маме* (вм. *мамö*) 'мама', *дойме* (вм. *доймö*) 'болит';

4) стяжение гласных или выпадение их: *пуктын* (вм. *пуктыны*) 'положить';

5) неусвоенность звука *р'*: *зыранка* (вм. *зыр'анка*) 'зырянка';

6) наличие у дательного падежа окончания *-лö* и *-лы*: *налы сетны* 'им отдать';

7) использование *-ись* в исходном падеже: *Лупись* 'из Лупьи';

8) употребление лично-притяжательного суффикса 1-го л. ед. ч. *-э* (*-е*) и редкое использование варианта *-öй*: *Иванэ* 'мой Иван', *онöй* 'мой сон';

9) краткие формы *-т* и *-с* лично-притяжательных суффиксов 2-го и 3-го л. ед. ч. *-ыт* и *-ыс*: *то чачат* (вм. *то чачаыт*) 'вот твоя игрушка';

10) образование сравнительной степени у прилагательных с помощью слов: *виа нин, вылтї, ёна, дивё, медся*;

11) образование относительных прилагательных с помощью суффикса *-эвэй*: *кёртэвей* 'железный';

12) наличие основ *ны-* и *на-* у личного местоимения 3-го л. мн. ч. *ниа* 'они', *са* 'он': *да налён эная* 'да у них это', *мед са вись-талас* 'пусть он скажет';

13) более частое (по сравнению с южными диалектами) употребление глагольного суффикса *-ась*: *гижасьны* 'расписаться';

14) существование деепричастного суффикса *-игён (-ігён)*: *олігён* 'живя';

15) специфический послелог *ног* (ср. южн. *моз*): *сякдй ног* 'по-разному';

16) употребление послелога *тиньди* 'из-за';

17) разрушение серийных послелогов на *выл-*: *горылын* (вм. *гор вылын*) 'на печке';

18) наличие частиц *нин* 'уже', *нё* 'же', частицы *мед* 'пусть' [Баталова 1975: 218–220].

Как видно из вышеизложенного, многие из указанных Р. М. Баталовой специфических мысовских и верх-лупьинских черт являются общими для этих двух диалектов и отличают их от косинско-камского и кочёвского.

В работе А. С. Кривошековой-Гантман и Л. П. Ратеговой "Коми-пермяцкие говоры. Учебное пособие" (Пермь 1980) в северном наречии выделяются косинско-камский и лупьинский диалекты. Выделение лупьинского диалекта (без деления его на мысовский и лупьинский) отражает, видимо, точку зрения, согласно которой существуют не отдельные диалекты, а говоры д. Мысы и д. Верх-Лупья [Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980: 7, 66–68].

В настоящее время из 9 населенных пунктов, упоминаемых Р. М. Баталовой, существуют только три – д. Сойга, д. Конопля, д. Мысы (или д. Нёрыс), и возникший в 1961 году поселок Жемчужный. Данные населенные пункты относятся к Кебратскому поссовету Гайнского района. В силу различных причин жители остальных селений (преимущественно тех, где был распространен верх-лупьинский диалект) переселились в с. Гайны, п. Кебраты с преимущественно русскоязычным населением и в другие деревни, заселенные носителями мысовского диалекта. Таким образом, территория распространения верх-лупьинского диалекта ока-

залась заброшенной, а население, ранее относящееся к разным территориально-языковым образованиям, стало проживать совместно. На современном этапе, пока живы более старшие представители верх-лупьинского языкового образования (среднее поколение перешло на мысовскую территорию в детстве или подростковом возрасте и уже почти утратило языковые особенности), происходит более или менее интенсивное смешение данных образований, то есть имеет место “влияние, испытываемое одним диалектом со стороны другого, бытующего на той же самой объединенной непрерывными связями языковой территории” [Пауль 1960: 450]. Смешение более заметно в том случае, если территории диалектов не соприкасались и не находились в постоянном контакте, а сами диалекты имели четкие отличительные черты. Мысовский и лупьинский диалекты были в постоянных тесных контактах и не имели больших различий, поэтому их слияние протекает вполне естественно, тем более, что местное население значительно превосходит относительно недавно поселившееся здесь верх-лупьинское. Согласно мнению Г. Пауля, “если... один из народов... превосходит другой... своей численностью.., – то его язык начинает употребляться все шире, оттесняя другой на задний план, в конце концов двуязычие снова сменяется господством одного языка” [Пауль 1960: 460]. Данное утверждение характерно и для указанных двух северных коми-пермяцких диалектов, и подтверждается нашими наблюдениями над речью средневозрастных носителей верх-лупьинского диалекта, которые уже утратили фонетические и морфологические особенности. Что касается словарного состава, то в речи носителей верх-лупьинского диалекта как среднего возраста, так и старшего и пожилого, мы не выявили никакой разницы. Возможно, лексические различия уже стерлись в процессе совместной жизни мысовцев и верх-лупьинцев или вообще были незначительны.

Что касается термина “диалект”, мы исходим из следующего: “Территориальный диалект – разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной общностью. Диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике” [ЛЭС: 132].

Таким образом, учитывая то обстоятельство, что определённое количество носителей верх-лупьинского диалекта, несмотря на вхождение в состав другого диалекта и в связи с этим утрату

некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей, всё же сохраняется, для обозначения новой территориально-диалектной реальности, возникшей в северной части коми-пермяцкого языка, следует ввести новый рабочий термин “мысовско-лупьинский диалект”.

Изменения в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка наиболее значительный характер приняли после 1917 года, когда “несмотря на противоречивость и сложность дальнейшего пути, коми-пермяцкий народ получил возможность для развития своей культуры, просвещения, письменности, выработки литературного языка, издания учебной и художественной литературы на нём” [Тудвасева 2000: 138].

За основу коми-пермяцкого литературного языка был взят один из диалектов южного наречия – кудымкарско-иньвенский. Е. В. Ботева отмечала, что “иньвенец мог найти в литературе свою лексику, свои нормы употребления *в* и *л*, а косинец, гаинец и кочёвец в ней своего не находил ничего” [Ботева 1961: 13]. В связи с созданием литературного языка и появлением широкой сети образовательных учреждений постепенно увеличивалось количество носителей диалектов северного наречия, владеющих также литературным языком. В этих условиях литературный язык начинает активно влиять на диалекты.

Процесс изменения диалектов сложен и многообразен, разнообразны и формы взаимодействия, взаимовлияния диалектной речи и литературного языка. Основным проявлением перестройки диалектов является архаизация специфических форм и проникновение в говоры литературных слов. В северном наречии часто встречается сосуществование литературных и местных наименований предметов, явлений, качеств, действий. Так, в северном наречии бытуют в качестве синонимов пары: диал. *няп* – лит. *жельнёг* ‘шиповник’, диал. *косясьны* – лит. *тышкасьны* ‘драться’, диал. *чилькётны* – лит. *высьтыны* ‘дойти’ и т. п. Однако одни из них имеют неограниченную сферу употребления (*няп* – *жельнёг*), а другие используются только в определённой обстановке, например, в школе или при разговоре с носителями южных диалектов.

Диалектная лексика северного наречия отчётливо представлена в двух группах специфичных слов. Первую группу образуют диалектные единицы, общеупотребительные на данной территории и активно функционирующие в речи населения независимо

от возраста. Приведём несколько примеров: *пёрьясьны* 'обманывать', *матшка* 'свекровь', *баляння* 'жимолость', *дойка* 'прыщик, короста' и т. д. Однако наличие диалектной лексемы как основной единицы бытования в большинстве случаев не предполагает незнания литературного слова, тождественного по значению. Часто носители диалектов северного наречия (особенно молодое и среднее поколения) хорошо знают и воспринимают в чужой речи литературные соответствия и при необходимости разъяснить диалектное слово вводят их в свою речь: *пёрьясьны... Кудымкарре-зас тай ббббтчыны шуоны* "пёрьясьны (обманывать)... в южных районах (букв. в Кудымкарах) ббббтчыны (обманывать) говорят".

Вторую группу образуют диалектные единицы, переживающие процесс архаизации. Это слова, которые постепенно уходят из диалектов и сохраняются только в речи определённой группы населения, как правило, старшего поколения. Причины и формы архаизации различны. Во-первых это уход из быта предмета, названного диалектным словом, и соответственно самого слова, так называемые историзмы. Из активного словарного состава в разряд диалектных историзмов перешли: 1) названия одежды: *па-гдль* 'чулки или носки, связанные без следка', *лаз* 'короткая промысловая накидка из прямоугольного куска холста, сукна или кожи с отверстием для головы посередине', *моришень* 'женский головной убор', *чакчури* 'женская обувь типа ботинок'; 2) наименования предметов быта: *суланджеск* 'приспособление типа табу-ретки для обучения ребёнка ходьбе', *суллабич* 'полка в кухне' и т. д.; 3) наименования орудий труда: *мутовка* 'примитивная мельница' и др. История подобных слов отражает процессы социальной перестройки деревни.

Во-вторых, в разряд архаизмов постепенно переходят собственно диалектные слова, большая часть которых является узкодиалектными и, как правило, имеют одно значение. Так, например, лексема *гыёлтны* со значением 'вращать решето (напр., с ягодами) до тех пор, пока сор не соберётся в центре' встречается в чураковском, левичанском, чазёвском говорах, а со значением 'подмести мусор' – в мысовском говоре. Следует отметить, что данная лексическая единица известна только носителям пожилого возраста, среднему поколению она уже не известна и, следовательно, не употребляется в их речи.

Переход в разряд архаичной лексики происходит и под влиянием русского языка. Так, древнее русское заимствование *о́жжѣ*

'палка для помешивания в печи', воспринимаемое в настоящее время как исконное, встречается во многих говорах северного наречия коми-пермяцкого языка, но также в речи только пожилых носителей. Среднее и молодое поколения употребляют в данном значении русское слово кочерга. Слово *коть* 'ток, место, где токуют птицы' на данный момент употребляют в своей речи только некоторые пожилые носители, среднее поколение знает его, но не употребляет, а молодому поколению данная лексема уже неизвестна, вместо неё используется русское заимствование ток.

Коми-пермяки живут в соседстве с русским населением и даже вперемешку. Поэтому в их речи, особенно в речи среднего и молодого поколений, исконные слова заменяются русскими, часто без всяких на то оснований. Приведём пример из нашей практики: у одного из информантов мы услышали: *Болотоас клюквысла ветліт жё ни?* (На болото за клюквой сходили уже?) и сразу исконный вариант: *Туримольысла нюр вылас ветліт жё ни?* (тж.). Из нашего примера видно, что носители знают исконные слова, но живя в русском окружении часто пользуются русскими соответствиями.

Если учитывать, что новые слова в настоящее время входят из русского языка без всяких изменений, исконные лексемы вытесняются заимствованиями, то происходит "обрусение" северного наречия коми-пермяцкого языка.

В заключение отметим, что ввиду процесса нивелирования диалектов и изменения их под влиянием литературного коми-пермяцкого и русского языков, необходимо быстрее описать диалекты коми-пермяцкого языка, в том числе и северного наречия.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

букв. – буквально; *д.* – деревня; *диал.* – диалектное слово; *лит.* – литературное слово; *п.* – посёлок; *р.* – река; *с.* – село.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 166 с.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 251 с.

Ботева Е. В. Методика изучения морфологии коми-пермяцкого языка в 5 классе в условиях иньвенского диалекта: Дисс...канд. педагог. наук. М., 1961.

ДХПЯ – Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 126 с.

Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры (Учебное пособие). Пермь, 1980. 69 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990, 685 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.

Тудвасева З. К. Становление и функционирование коми-пермяцкого литературного языка на различных этапах его существования // Наш край: Сборник научно-популярных статей. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2000. С. 138–141.

Энциклопедия – Коми язык. Энциклопедия. М.: Изд-во ДиК, 1998. 608 с.